

ОДИН

Лидия мертва. Но они пока не знают. 3 мая 1977 года, половина седьмого утра, никто не знает ничего, кроме безобиднейшего факта: Лидия опаздывает к завтраку. У ее плоски с хлопьями мать Лидии, как всегда, положила заточенный карандаш и домашку по физике — шесть задач помечены галочками. Отец Лидии в машине по дороге на работу крутит ручку на радиоприемнике, нащупывает WХКР («лучший поставщик новостей северо-западного Огайо») и злится, слыша хрипы статики. Брат Лидии зевает на лестнице — его еще обвивает хвостик ночной грезы. А на стуле в углу кухни сидит сестра Лидии — тарашит глаза, горбится, по одному рассасывает хлопья, ждет Лидию. Сестра-то в конце концов и говорит:

— Что-то Лидия сегодня долго.

Наверху Мэрилин открывает дверь в спальню дочери и видит, что в постель не ложились: уголки простыни — по-больничному опрятными складка-

ми, подушка взбита и пухла. Вроде все на месте. На полу комом — горчичные вельветовые штаны, полосатый радужный носок. На стене рядком — наградные ленточки со школьных научных выставок, открытка с Эйнштейном. В чулане съежилась сумка. Зеленый школьный рюкзак привалился к письменному столу. На комодке флакон духов «Бейби софт» — в воздухе еще витает пыльная сладость любимого ребенка. А вот Лидии нет.

Мэрилин закрывает глаза. Может, когда откроет, Лидия будет в спальне — как обычно, зарылась с головой, наружу торчат прядки. Ворчливый комок под одеялом — может, Мэрилин проглядела. *Я в ванной была, мам. Ходила вниз попить. Да я тут лежу, ты чего?* Мэрилин смотрит — и, само собой, ничего не изменилось. Задернутые шторы светятся, точно опустелый телеэкран.

В дверях кухни Мэрилин останавливается, ладонями упирается в косяки. Ее молчание красноречиво.

— Посмотрю снаружи, — после паузы говорит она. — Может, зачем-то...

Шагая к парадной двери, она глядит в пол, будто Лидия впечатала следы в коридорную дорожку.

Нэт говорит Ханне:

— Вечером была у себя. Я слышал радио. Полдвенадцатого. — И осекается, вспомнив, что не пожелал доброй ночи.

— А могут похитить, если тебе шестнадцать? — спрашивает Ханна.

Нэт тычет ложкой в хлопья. Они вянут и тонут в молочной мути.

Возвращается мать, и Нэт успевает блаженно вздохнуть: вот и Лидия, цела и невредима. Не в первый раз: они с матерью так похожи, краем глаза увидишь одну и примешь за другую — тот же эльфийский подбородок, и высокие скулы, и ямочка на левой щеке, те же узкие плечи. Только волосы разные: у Лидии чернильно-черные, у матери медово-белокурые. Нэт и Ханна пошли в отца. Какая-то тетка однажды спросила в продуктовом: «Китайцы?» — а когда они сказали «да», решив не вдаваться в подробности — целиком, наполовину, — глубокомысленно кивнула: «Я так и знала. По глазам видать». И уголки глаз оттянула пальцами. Однако Лидии генетика не указ — она унаследовала материны голубые глаза, и Нэт с Ханной знают, что поэтому Лидия — мамина любимица. И папина. И не только поэтому.

Лидия подносит ладонь ко лбу и вновь оборачивается матерью.

— Машина здесь, — говорит мать, но Нэт и не сомневался. Лидия не умеет водить, у нее даже ученических прав нет. На той неделе всех удивила, завалив экзамен, а без прав отец не пускал ее даже за рулем посидеть. Нэт перемешивает ил размокших хлопьев на дне плоски. Часы в прихожей тикают, бьют половину восьмого. Никто и бровью не ведет.

— А в школу нам все равно идти? — спрашивает Ханна.

Мэрилин мнетя. Берет сумку, с напускнуой деловитостью роется в ней, выуживает ключи.

— На автобус вы оба опоздали. Нэт, возьми мою машину, подбрось Ханну. — И затем: — Не волнуйтесь. Мы все выясним. — На детей она не смотрит. Дети не смотрят на нее.

Когда они уезжают, Мэрилин, сдерживая дрожь в руках, достает из буфета кружку. Давным-давно, когда Лидия была совсем кроха, Мэрилин однажды оставила ее в гостиной на одеяле и ушла в кухню выпить чаю. Лидии едва исполнилось одиннадцать месяцев. Мэрилин сняла чайник с плиты, обернулась и увидела, что Лидия стоит в дверях. Мэрилин от неожиданности приложила рукой к горячей конфорке. На ладони красной спиралью расцвел ожог, и Мэрилин, сквозь слезы глядя на дочь, прижала его к губам. А дочь стояла и смотрела насто-роженно, озиралась, будто узрела эту кухню впервые. Мэрилин тогда и не подумала о том, что пропустила первые шаги дочери, что дочь так выросла. В мозгу пронеслось не «Как же я все проглядела?», а «Что еще ты скрываешь?». Нэт старался, шатался, падал и ковылял у матери на глазах, но она не припоминала, чтобы Лидия хоть попыталась встать. И однако, похоже, твердо стояла босыми ногами, из оборчатого рукава еле выглядывали пальчики. Мэрилин часто отворачивалась — открывала холодильник, возилась со стиркой. Может, пока Мэрилин смотрела в кастрюли, Лидия ходила уже не первую неделю.

Мэрилин подхватила дочь на руки, пригладила ей волосики, сказала, какая Лидия умничка, вот вернется папа — он будет так горд. И все равно —

будто нашла запертую дверь в знакомой комнате: оказывается, у Лидии, которую еще можно баюкать на руках, есть тайны. Мэрилин кормит ее, купает, упаковывает в пижамные штаны, но жизнь Лидии уже отчасти зашторена. Мэрилин поцеловала дочь в щеку, прижала к себе, попыталась согреться ее тельцем.

А теперь пьет чай и вспоминает это свое изумление.

На пробковой доске у холодильника — телефон школьного секретаря; Мэрилин отцепляет карточку, набирает номер и наматывает провод на палец, слушая гудки.

— Миддлвудская средняя школа, — говорит секретарша после четвертого гудка. — Дотти у аппарата.

Мэрилин припоминает эту Дотти: сложением как диванная подушка, блекнувшие рыжие волосы до сих пор укладывает в пышный пучок.

— Доброе утро, — говорит Мэрилин и запинаясь. — А моя дочь сегодня в школе?

Раздосадованная Дотти вежливо кудахчет:

— С кем я говорю, будьте любезны?

Свое имя Мэрилин вспоминает не сразу.

— Мэрилин. Мэрилин Ли. Моя дочь — Лидия Ли. Десятый класс.

— Одну минуту, я посмотрю расписание. Первый урок... — Пауза. — Физика, одиннадцатый класс?

— Да, совершенно верно. У мистера Келли.

— Я кого-нибудь пошлю проверить.

Слышен стук: секретарша кладет трубку на стол.

Мэрилин разглядывает кружку, лужицу от кружки на столешнице. Несколько лет назад одна девочка заползла в сарай и задохнулась. Полиция разослала по домам листовку: «Если ваш ребенок потерялся, приступайте к поискам немедленно. Проверьте стиральные и сушильные машины, багажники автомобилей, сараи, все пространства, куда ребенок мог залезть. Если ребенок не обнаружен, срочно звоните в полицию».

— Миссис Ли? — говорит секретарша. — Ваша дочь на первый урок не пришла. Вы хотели ее отпросить?

Мэрилин вешает трубку, не ответив. Прикалывает карточку на доску, и под влажными пальцами чернила расплываются, цифры смазаны, будто на ураганном ветру или под водой.

Мэрилин обходит все комнаты, открывает все чуланы. Заглядывает в пустой гараж — там только масляное пятно на бетоне и сильно пахнет бензином. Она сама не знает, что ищет. Многозначительные следы? Дорожку из хлебных крошек? Когда ей было двенадцать, у нее в школе пропала девочка постарше — потом нашли труп. Джинни Бэррон. Носила двуцветные кожаные туфли — Мэрилин за такие душу бессмертную продала бы. Джинни пошла в магазин за сигаретами для отца, а спустя два дня ее нашли у обочины на полпути в Шарлоттсвилл, голую и задушенную.

Мозг закипает. Только-только начинается лето Сына Сэма — хотя газеты зовут его так лишь с недавних пор, — и даже в Огайо заголовки вопят о пос-

леднем убийстве. Через несколько месяцев полиция отловит Дэвида Берковица* и страна найдет на что отвлечься: смерть Элвиса, новая «Атари»**, Фонци перепрыгивает акулу***. Но сейчас темноволосые жительницы Нью-Йорка скупают блондинистые парики, а мир страшен и непредсказуем. У нас тут такого не бывает, напоминает себе Мэрилин. Не может такого быть в Миддлвуде, который считается городом, но на самом деле городок при колледже, три тысячи жителей. За час на машине доберешься разве что до Толидо; всех субботних развлечений — роллердром, боулинг да автокинотеатр; даже Миддлвудское озеро в центре — расфуфыренный пруд, не больше. (Тут Мэрилин ошибается: озеро — тысяча футов от берега до берега и глубокое.) И все равно поясну покальывает, будто по хребту маршируют жуки.

---

* Дэвид Берковиц, он же Сын Сэма (Ричард Дэвид Фалко, р. 1953) — американский серийный убийца. В период с лета 1976 г. по июль 1977 г. убил 6 и ранил 7 женщин из револьвера 44-го калибра; предпочитал женщин с темными, длинными и волнистыми волосами. Был арестован в августе 1977 г., в настоящее время отбывает 6 пожизненных сроков тюремного заключения. — *Здесь и далее примеч. перев.*

** «Король рок-н-ролла» Элвис Пресли (1935—1977) умер 16 августа. Продажи игровой приставки *Atari 2600* начались 1 сентября.

*** Артур Херберт Фонцарелли — персонаж американского ситкома «Счастливые дни» (*Happy Days*, 1974—1984), сыгранный Генри Уинклером; акулу он перепрыгивает на водных лыжах в эпизоде 5-го сезона «Голливуд (часть 3)», вышедшем в эфир 20 сентября 1977 г. Сцена стала нарицательной как образец алогичного и абсурдного сюжетного поворота, выдуманного сценаристами исключительно ради телерејтинга.